

ми предметами некоей персоны, не видимой, но подразумеваемой за всеми проявлениями природы /ср., например, эффект «лица в интерьере» С. Дали/.

3. Цит. по: Кембелл Д. Тысячеликий герой. М.-К., 1997. С.53.

4. Схожие особенности характеризуют мифическое видение по Э. Кассиреру.

5. Ср.: «Метафоры в поэзии – порождение эмоциональной, но сверхличной жизни: архетип нового рождения, символ перехода от смерти к жизни» (М.Бодкин). Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М., 1994. С.10.

© С. Беляков
Екатеринбург

ГНОСТИК ИЗ УРЖУМА (ПО ПОВОДУ НАТУРФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Н.А. ЗАБОЛОЦКОГО)

Негативное (жизнеотрицающее) мироощущение (понятие было впервые введено Л.Н. Гумилевым) выражается в негативном отношении к объективным законам бытия. Критерием здесь служит отношение к биосфере, шире – к природе, к мирозданию.

К жизнеотрицающим религиям и философским концепциям (анти-системам) можно отнести гностицизм, манихейство, исмаилизм, некоторые направления буддизма, а также, видимо, «мунизм» и ряд других религиозных учений.

В творчестве некоторых писателей можно найти следы негативного мироощущения. Яркое негативное мироощущение проявилось в творчестве Н.А. Заболоцкого

Уже в некоторых «столбцах» Заболоцкого («На речке», «Рыбная ловля») заметно отвращение поэта к материальному миру, который, по Заболоцкому, зиждется на поедании живыми существами друг друга. Особенно отчетливо такое отношение к миру проявилось в «столбце» «Бес-смертие» («На лестницах»), в котором мир предстает царством ужаса, смерти, мучений:

Там примус выстроен, как дыба,

На нем от ужаса треща

Чахоточная воеет рыба

В зеленых масляных прыщах;

Там трупы вымытых животных

Лежат на противнях холодных

И чугуны – купели слез –

Венчают зла апофеоз.

Приготовление обеда – апофеоз зла для поэта, так как оно сопряжено с убийством и разделыванием трупов.

С 1929 года Заболоцкий все больше сосредотачивается на теме природы, на которую он переносит все то, что прежде у него относилось к материальному миру вообще. В его стихотворениях и поэмах 1929–1932 гг. просматриваются элементы, наброски авторской концепции природы, мироздания. Некоторые элементы этой концепции напоминают взгляды гностиков II–III вв.

Сам Заболоцкий считал себя материалистом, религиозной философией не увлекался, а о самом гностицизме, скорее всего, вообще не знал, но его мироощущение, видимо, было сродни мироощущению гностиков. Вместо трансцендентного божества объектом почитания у поэта становился разум, наука. Заболоцкий противопоставлял их природе.

Природа у Заболоцкого (как и у гностиков) рассматривается как царство зла и смерти, а средством спасения является познание (т.е. гнозис). Преображенная гнозисом природа должна превратиться в свою противоположность, в которой не будет ни смерти, ни тяжкого труда, ни, очевидно, полового размножения.

Тема спасения страдающей природы «гнозисом» – центральная тема «Торжества земледелия», «Безумного волка», «Школы жуков».

У гностиков земное существование часто описывается через метафору сна, опьянения, забвения. У Заболоцкого жизнь природы также нередко описывается как сон или обморок. Так, в «Меркнут знаки зодиака» описывается вялая фантазмагория, участники которой либо спят, либо свершают некие действия сомнамбулического характера. В природе царит хаос – мир без развития (истории). Вместе с животными и духами в сон постепенно погружается и разум. Если мы рассмотрим фантазмагории «Зодиака» в контексте гностического понимания метафоры сна, то получится, что поэт описал реальное (с его точки зрения) состояние природы, где спит разум человека, спит сознание в растениях и животных (очень характерный для гностицизма мотив).

Природа у Заболоцкого часто предстает как царство смерти, ведь само существование по законам природы предполагает необходимость смерти и поедания трупов. Заболоцкий не упускает случая напомнить об этом: «трупы вымытых животных» («На лестницах»), «груда бревен зажигалась, чтобы сварить убитое животное» («Осень»), «шалаш из трупов... беседка из мертвецов» (это о деревянном доме!) («Искусство») и т.д. Наиболее выразительно природа как мир смерти предстает в «Торжестве земледелия»:

Корова мертвая заброшена
На кости рваные овечек,
Подале, осердясь на коршуна,
Собака чей-то труп калечит.
Кой-где копыто, дотлевая,
Дает питание растению,
И череп сорванный седлает

Червяк, сопутствуя гниению

<...>

Животных составное тело

Имело сходство с бледным трупом

Для гностиков мир был темницей духа. Дух («пневма») заключен в материи как в тюрьме и стремится вырваться, дабы воссоединиться с божеством.

У Заболоцкого природа часто именуется тюрьмой (в «Прогулке», в «Змеях»), а в «Осени» даже описаны мучения духа, плененного материей.

У гностиков пневма чужда этому миру, чужд мир и несущий гнозис — посланец божества, обычно отождествляемый с Христом. У Заболоцкого несущие гнозис — солдат («Торжество земледелия») и Безумный («Безумный волк»); также чужаки, чуждые миру и волки, строящие «новый лес» («Безумный волк»), и кот-отшельник («На лестницах»).

Гностики и манихеи отрицательно относились к сексу и половому размножению, ибо первый мешает сосредоточиться на мироотрицании, а второе (у манихеев) продляет тление частиц Света (=духа). У Заболоцкого мы встречаем не только отрицание секса («На лестницах»), но даже отрицание материнства («Торжество земледелия»).

В 1932–1933 гг. Заболоцкий пытается согласовать свои взгляды с научными представлениями. Противоречия между ними проявились в первом варианте «Лодейникова» и в поэме «Деревья». В «Деревьях», в монологе Бомбеева, мы видим взгляд раннего Заболоцкого на природу, но представляющий науку Лесничий доказывает Бомбееву разумность миропорядка, совершенство природы и нелепость надежд на ее «просвещение». Однако сам автор признает правоту Лесничего нехотя. Поэт признает совершенство природы, но какой природы? «Работа леса» в 3-й части поэмы не имеет ничего общего с жизнью природы. Это анти-природа, искусственная природа идеального математического порядка. Правда, в «Птицах» поэт еще дальше отошел от своих прежних взглядов, восхваляя даже поедание животными друг друга, однако Заболоцкий даже не включил поэму в свод своих избранных сочинений, видимо, из-за того, что она противоречила как его раннему творчеству, так и его воззрениям.

Поздний Заболоцкий в определенной мере смог преодолеть противоречия между своим мироощущением и существующими научными представлениями и даже найти для «спасения» страдающей природы более реалистичный путь, нежели идея непосредственного просвещения природы, которая господствовала в его натурфилософских поэмах.

В его программном «Я не ищу гармонии в природе» несовершенная, безумная, невежественная природа мечтает о новом быте в правильных, разумных, совершенных формах.

И снится ей блестящий вал турбин,

И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Мотив преобразования природы разумом можно найти во многих произведениях позднего Заболоцкого – от «Севера» до «Творцов дорог» и третьего варианта «Лодейникова».

Не следует путать борьбу с природой у Заболоцкого с вроде аналогичной темой, распространенной тогда в советской литературе. Заболоцкий всегда помнил, что человек является частью природы, но у поэта человек это не «государь деревянного леса, император коровьего мяса» («Искусство»), а воплощение разума, и воюет он с природой, руководствуясь, прежде всего, целью спасения самой природы от ужасов существования.

Итак, вместо леса – «вал турбины и налитые током провода», вместо геобиоценоза – жесткая система, вместо живой природы – природа мертвая и косная. По Л.Н. Гумилеву, предел такого развития (последовательного упрощения системы) – вакуум. А вакуум весьма схож с Богом гностиков, которого валентиниане называли «Бездна», а Василид – «Бог небытия».

Однако даже в идеально-математической, технократизированной природе царит смерть, и полюбить такую природу поэт смог, очевидно, благодаря тому, что принял гипотезу о «бессмертных атомах» К.Э. Циолковского, по которой атомы, составляющие тело человека, после его смерти скорее всего попадут в неорганику, где будут «спать», когда же они вновь попадут в живое существо – на Земле останутся лишь растения и высшие существа, в которых эти атомы будут блаженствовать. Таким образом, если гностики надеялись, что их пневма воссоединится с созданным их воображением трансцендентным божеством, то Заболоцкий надеялся, что составляющие его организм чувствительные и бессмертные атомы попадут в прекрасный мир, созданный его воображением и воображением Циолковского.

© А.А. Борисов
Новосибирск

ТОЖДЕСТВО И СООТВЕТСТВИЕ В ПРОЗЕ Ф. СОЛОГУБА

Данная статья посвящена рассмотрению романа Федора Сологуба «Мелкий бес» в связи с тем, что можно обозначить как проблему тождественности, либо соответствия. Следует заметить, что тему тождества, либо соответствия мы будем рассматривать не только как проблему интертекстуальности в данном романе, потому как интертекст работает не только на создание тождественности одного текста другому, но, скорее, на различие между ними; но и как возможность анализа сюжета данного романа. В качестве отправной точки нашего исследования мы исполь-